

Глава 1

Лу Яо очнулся от того, что солнце нещадно палило ему в лицо.

Едва разомкнув веки, он почувствовал тупую боль в затылке. Но стоило ему осмотреться, как недоумение вытеснило всякую боль — от удивления он просто лишился дара речи.

Высоко в небе стояло солнце, заливая ярким светом расстилающиеся перед ним уголья. Нежные зеленые побеги на пашнях поблескивали гляncем, а вдали, подобно шелковой ленте, безмятежно журчал чистый ручей.

Шагах в тридцати от поля ютились две-три ветхие соломенные мазанки. Росло у них несколько старых вязов, чьи раскидистые ветви отбрасывали на землю причудливые косые тени. Домишки были совсем крошечными; перед одним из них, за хлипким плетнем, копошились куры. Они кудахтали и суетились так отчаянно, будто их там была не горстка, а целая сотня.

Он ведь отчетливо помнил, как в широкополой шляпе обходил свой садовый питомник. Но стоило потерять сознание от теплового удара — и вот он здесь. Один лишь взгляд на эту первозданную глушь давал понять: это место не имело ничего общего с его родным веком.

Лу Яо резко поднялся. Ладонь наткнулась на что-то холодное — в сырой земле лежал небольшой нож с бурыми следами засохшей крови на лезвии.

Опешив, юноша вскинул руку. На запястье красовался уродливый глубокий порез. Рана успела затянуться, сменившись багровым шрамом. Судя по всему, прежний хозяин этого тела решил свести счеты с жизнью.

Потерянно разглядывая отметину, Лу Яо медленно сжал кулак. Глубоко вздохнув, он подобрал нож, тщательно вытер лезвие о траву и спрятал его за пазуху. Отряхнув налипшую на одежду землю, он огляделся. Вдалеке виднелись фигуры крестьян в серых одеждах из грубого полотна. С мотыгами и заступами в руках они усердно перекапывали пашню. У всех были длинные волосы, аккуратно собранные на затылке в тугие, практичные узлы.

«Неужели я... переместился в прошлое?» — от этой догадки у Лу Яо перехватило дыхание.

И тут же за спиной раздался едкий, полный неприкрытой насмешки голос:

— Ой, глядите-ка, неужто наш дурачок Лу Яо? Ты чего это средь бела дня дрыхнешь?

Обернувшись на окрик, Лу Яо увидел стоявшую на меже бабу с корзиной на локте. Это была Сестра Ли. На ее лице застыло выражение глубочайшего отвращения.

«Кто это вообще такая?» — подумал он и нерешительно спросил:

— Тетушка, мы знакомы?

Собственный голос показался ему чужим — горло нещадно драло, а во рту остался мерзкий металлический привкус запекшейся крови. Но поразмыслить над этим Лу Яо не успел: Сестра Ли взвизгнула еще пронзительнее:

— Кого это ты тетушкой назвал, паршивец?!

Тень злорадства на ее лице мгновенно сменилась яростью. Тыча в юношу пальцем, она брызгала слюной:

— Да тебя, дурака стоеросового, в нашей округе каждая собака знает!

С первой же секунды она так и сыпала оскорблениями. Лу Яо невольно нахмурился. Неужели прежний владелец этого тела и впрямь был слабоумным?

Рациональный разум Лу Яо отказывался принимать происходящее, но все органы чувств в один голос твердили: это не сон. Он действительно очутился в совершенно чужом, неведомом ему времени.

Пока баба продолжала исходить злобой, Лу Яо осторожно коснулся саднящей шеи, пытаясь проглотить вставший в горле ком.

— Сестра Ли, опять ты к Сяо Лу цепляешься! — раздался позади густой, добродушный бас.

Обернувшись, Лу Яо увидел приближающегося крестьянина с мотыгой на плече. Это был рослый, крепкий мужчина с обветренной, темной от загара кожей. Простая холщовая жилетка не скрывала литых мускулов — сразу видно, человек привык к тяжелому крестьянскому труду. Крупные черты лица и открытый взгляд располагали к себе. Это был Ван Гэн.

— Ван Гэн, шел бы ты своей дорогой и не совал нос в чужие дела! — фыркнула Сестра Ли.

Тем не менее спорить она не решилась: круто развернулась и поспешила прочь по тропинке.

Лу Яо молча наблюдал за приближением своего спасителя. Тот широко улыбнулся, сверкнув ровными белыми зубами, и с глухим стуком опустил мотыгу на землю, выбив из-под нее комья сухой глины. Свойски приобняв юношу за плечи, он ласково, как ребенка, приободрил:

— Ну-ну, Сяо Лу, не принимай близко к сердцу. Не слушай ты эту ведьму. Она просто со злобы

исходит, что ты лицом краше нее выдался.

Тон крестьянина не оставлял сомнений — с прежним Лу Яо действительно обращались как с неразумным дитятей. Значит, парень и впрямь слыл местным дурачком. Однако Лу Яо не собирался и дальше разыгрывать эту комедию. Стоявший перед ним добряк казался простым и бесхитростным малым, от которого не следовало ждать подвоха.

Поэтому Лу Яо мягко спросил:

— Ван Гэн, ты меня знаешь?

От этих слов Ван Гэн так и застыл на месте, а затем от души хлопнул парня по плечу:

— Сяо Лу! Ты чего это? Всегда же братом Ваном кликал... — Вдруг он осекся, уставившись на него в крайнем изумлении. — Постой-ка... Ты что, пришел в себя?!

Поколебавшись мгновение, Лу Яо осторожно высвободился из его крепких объятий и потер ушибленное плечо. Нужно было придумать хоть сколько-то правдоподобное объяснение.

— Да, — спокойно соврал он. — Вздремнул немного, а как очнулся — в голове прояснилось. Будто пелена с глаз спала.

Лу Яо ляпнул первое, что пришло в голову, но простодушный Ван Гэн поверил ему без тени сомнения. Лицо великана так и просияло.

— Вот умора! — воскликнул он, вновь облапив друга за плечи. — Ну и дела! А я-то, грешным делом, думал, тебе до конца дней горемыкой вековать суждено. Идем, отпразднуем это дело! Сварганим чего-нибудь вкусенького.

Под «домом» Ван Гэн имел в виду вовсе не свое жилище, а ту самую покосившуюся лачугу Лу Яо, которая даже издаലെка являла собой жалкое зрелище.

Позволив утянуть себя за собой, Лу Яо переступил порог и замер у входа. Оглядев удручающее убожество своего нового пристанища, он погрузился в мрачное молчание.

В своей прошлой жизни Лу Яо родился под счастливой звездой — его отец владел крупным бизнесом. Однако юноша наотрез отказался идти по проторенной дорожке и наследовать семейное дело. Получив диплом, он с нуля основал собственное предприятие, посвятив себя любимому делу — сельскому хозяйству. Способный и упрямый, он быстро прошел путь от безвестного новичка до успешного хозяина нескольких процветающих центров сельского отдыха и собственного селекционного питомника.

И пусть роскоши он никогда не искал, предпочитая разумную умеренность, но его прежнее жилье все же было настоящим домом — с удобной мебелью, обустроенным очагом и прочными стенами. Здесь же... Четыре дырявые стены из необожженной глины да грозящая вот-вот рухнуть на голову соломенная крыша. Внутри не было ровным счетом ничего. Называть эту конуру «домом» можно было разве что из большой жалости.

Лу Яо принялся настойчиво обшаривать взглядом углы. Приметив в полумраке деревянный настил, заменявший постель, он облегченно вздохнул.

«Ну, хоть спать есть на чем».

Он сделал еще несколько шагов к ложу и вдруг застыл от изумления. За пыльной, обветшалой занавеской в самом углу лежала его собственная черная дорожная сумка. Спутать эту вещь с чем-то другим было невозможно: верный спутник, в котором он всегда таскал справочники и рабочие записи.

Дождавшись, пока Ван Гэн отвернется, Лу Яо торопливо расстегнул молнию. Предчувствие не обмануло его — внутри ровными стопками лежали увесистые тома по агрономии, гидротехнике и почвоведению. На душе сразу стало спокойнее.

Тем временем Ван Гэн хозяйничал вовсю, чувствуя себя как дома. Порывшись в темном углу, он извлек на свет небольшой полотняный мешочек.

— Ну и повезло тебе, — добродушно хохотнул он. — Хорошо, что я навещаю к тебе каждые три дня, а то помер бы ты тут с голоду.

Лу Яо молча наблюдал, как великан споро высыпает муку в глиняную миску, приносит из колодца ведро воды и принимается усердно вымешивать тесто. Не выдержав безделья, юноша засучил рукава и подошел ближе. Мгновенно перехватив у приятеля тесто, он улыбнулся:

— Давай лучше я.

— Ого! — Ван Гэн спорить не стал. Примостившись на шатком табурете, он завороченно уставился на щуплую спину Лу Яо. — Ты и стряпать умеешь?

Лу Яо лишь молча кивнул в ответ. По натуре он никогда не был краснобаем, предпочитая делу лишние разговоры. Спокойный, основательный и работающий — именно эти качества когда-то определили его выбор профессии. Ему всегда было проще ладить с землей и простыми, бесхитростными людьми, нежели крутиться в высшем свете. Его смело можно было назвать человеком дела.

Накрыв тесто чистой тряпичей, Лу Яо обернулся к гостю.

— Брат Ван, — начал он, стараясь говорить как можно мягче. — Похоже, после этого беспамятства я напрочь позабыл все, что было раньше. Расскажи мне, как я тут жил?

Лу Яо и впрямь обладал на редкость приятной наружностью. Слишком бледная для здешних мест кожа, выразительные миндалевидные глаза с тонкой, изящной складкой век и ясный, пронзительный взгляд. Раньше, когда юноша блуждал в тумане безумия, вечно нечесаный и чумазый, никто не обращал на него внимания. Но стоило ему умыться и привести себя в порядок, как перед взором предстал благообразный, статный юноша. Голос его, мягкий и певучий, журчал подобно чистому весеннему ручью. Не зная правды, никто бы в жизни не признал в нем простого пахаря — скорее сочли бы молодым ученым из столичной академии.

Ван Гэн невольно залюбовался им.

«И то верно, чего эти деревенские бабы на него ополчились. Да просто лопаются от зависти, глядя на такую красоту!»

Он похлопал по деревянной скамье рядом с собой, приглашая хозяина присесть. Когда Лу Яо устроился напротив, Ван Гэн тяжело, натужно вздохнул:

— Да уж, братец... Ну и долюшка тебе досталась. Натерпелся ты знатно.

Из путаного рассказа Ван Гэна Лу Яо постепенно воссоздал картину прошлого. Оказалось, прежний владелец этого тела не всегда был круглой сиротой. Много лет назад в Деревню Процветания, спасаясь от какой-то беды, забрела чужестранка. Она была на сносях. Прежний староста, сжалившись над несчастной, позволил ей остаться. Женщина была сказочно красива. И хотя на ней висели сущие лохмотья, даже сквозь прорехи виднелась тончайшая, дорогая ткань, какую простые люди отродясь не видывали.

Поначалу все шло мирно. Но красота — опасный дар в глухой провинции. Деревенские мужики то и дело заглядывались на приезжую красавицу, из-за чего вскоре поползли грязные слухи. Завистливые бабы шептались, будто девица сбежала из столичного борделя, а смазливое личико дано ей лишь для того, чтобы уводить из семей чужих мужей. Настоящая же беда разразилась вскоре после рождения Лу Яо. На уезд обрушилось небывалое наводнение, размывшее дамбы и погубившее половину урожая. Мать Лу Яо, спасая младенца от бушующего потока, не удержалась на ногах и сгинула в мутной воде. С тех пор суеверные крестьяне затаили на сироту злобу, окрестив его вестником несчастий.

К тому же мальчик рос тихим и безучастным ко всему миру. Заметив его отставание в развитии, соседи и вовсе отвернулись от ребенка, а прежнее неприятие переросло в откровенную враждебность. Так Лу Яо и выживал на задворках деревни. К счастью, мир не без добрых людей: жившая по соседству семья Ван приютила сироту и подкармливала его, пока тому не исполнилось двенадцать. Сын старого Вана, Ван Гэн, бывший на пять лет старше, привязался к несчастному мальчишке как к родному брату. Он никогда не гнушался его общества, защищал от нападок сверстников и всегда брал с собой. Так, незаметно для них обоих, пролетело время, и Лу Яо исполнилось восемнадцать.

Сжав кулаки, Ван Гэн с треском ударил по колченогому столу:

— Сволочи неблагодарные, одно слово! Ведь все мы под одним небом живем, соседи же! Как только у них память отшибло? Забыли, твари, как твоя матушка последнее дорогое украшение заложила, чтобы их шкуры спасти?

В тот год на деревню обрушился страшный мор. Темные крестьяне лишь молились богам, понятия не имея, как бороться с заразой. В округе принимал всего один лекарь, который физически не успевал обойти всех больных, да и целебных трав у него не хватало. Мать Лу Яо тогда едва обустроилась на новом месте, но, не задумываясь, отнесла ростовщику свои последние драгоценности. На вырученные деньги она накупила целебных кореньев и снадобий, выходя из умиравших соседей.

Лу Яо молча переваривал услышанное. Заметив его помрачневшее лицо, Ван Гэн не на шутку перепугался, решив, что разбережил парню душу, и теперь не знал, как загладить вину. К счастью для него, неловкую тишину нарушил яростный, требовательный стук в дверь.

— Эй, есть кто живой?! А ну отпирай! Пришли за платой за защиту!

— Брат Ван, — нахмурился Лу Яо, — у вас тут что, еще и плату за защиту собирают?

Перехватив его недоуменный взгляд, Ван Гэн замялся. Ему было стыдно признаться, что этот грабеж устраивали исключительно для одного Лу Яо, пользуясь его беззащитностью. Но парень хотя бы мог порадоваться, что сегодня его названный брат оказался рядом — иначе бедняге снова не избежать бы побоев.

— Спрячься за занавеской, быстро, — шепнул Ван Гэн, легонько подтолкнув юношу вглубь комнаты.

Убедившись, что тот ушел, он подошел к двери и рванул засов. На пороге стоял долговязый парень с пронырливой крысиной физиономией. Это был Лю Цзымин. Высокомерно скрестив руки на груди, он сплюнул на землю и при виде Ван Гэна недовольно скривился:

— Ван Гэн? Ты какого черта здесь прохлаждаешься вместо того, чтобы в поле спину гнуть? Опять с этим придурком возишься?

— Тебе-то какое дело? — огрызнулся Ван Гэн. — Чего приперся?

— А то ты не понял. Пришел за платой за защиту, — самодовольно ухмыльнулся Лю Цзымин. Вдруг из-за плеча великана он заметил пытающегося скрыться Лу Яо. Прищурив и без того узкие глазки, он злобно рявкнул: — Стоять! Куда это ты намылился, убогий?!

Разумеется, ни о какой реальной «плате за защиту» речи не шло — это был чистой воды

грабеж. Лю Цзымин сверлил юношу ненавидящим взглядом. Заметив, что дурачок умылся и его обычно грязное лицо оказалось на редкость благообразным и чистым, вымогатель разозлился еще сильнее. Терпеть он не мог смазливых парней, особенно когда этот холеный вид принадлежал какому-то местному недоумку!

Прятаться Лу Яо и сам не горел желанием. Он лишь хотел избежать лишней трепки и шума. Но раз уж негодай явился именно по его душу, бегать бессмысленно — придется встретить врага лицом к лицу.

Ван Гэн отчаянно замахал руками, призывая парня убираться назад, но Лу Яо проигнорировал эти предостережения. Шагнув вперед, он встал прямо перед Лю Цзымином и спокойно спросил:

— Меня ищешь?

— Опачки! — Лю Цзымин так и подпрыгнул от удивления, оглядывая юношу с ног до головы презрительным взором. — Гляньте-ка, а дурачок-то наш заговорил! Неужто умишком разжился? — Он залился противным, лающим смехом. Вдоволь отсмеявшись, парень вновь ожег Лу Яо злобным взглядом: — Только толку-то с этого? Ничтожество как было ничтожеством, так им и осталось. Ты же даже мотыгу в руках держать не умеешь, недомерок! Так и подохнешь под забором с голодухи.

Терпеть насмешки в свой адрес Лу Яо еще мог, но когда дело касалось его призвания — тут уж извините. Подобного пренебрежения к труду земледельца он спустить не мог. Сделав шаг вперед, он твердо посмотрел обидчику прямо в глаза:

— А если выращу?

— Ты-то?! — Лю Цзымин презрительно сплюнул сквозь зубы. — Да тебе хоть сто лет дай, у тебя на грядках кроме сорняков ничего не взойдет!

Глубоко вздохнув, Лу Яо расправил плечи:

— Спорить не стану. Давай забьемся на полмесяца. Если через две недели на моем поле ничего не взойдет — делай со мной все, что твоей душе угодно.